

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

В статье рассматриваются примеры историко-географических ошибок и фальсификаций казачьей истории; затрагиваются вопросы исторической топографии населённых пунктов, археологического исследования мест сражений, особенностей расселения и колонизации казаками новых земель, формирования территорий казачьих войск и специфики их административно-территориального деления. Обсуждается необходимость создания «Атласа истории казачества» и упоминаются уже опубликованные исторические карты по данной тематике.

Несмотря на различные толкования предмета, задач и методов исторической географии, все исследователи, работающие в этом направлении, занимаются локализацией исторического процесса, привязкой к конкретным территориям с целью поиска закономерностей взаимодействия человеческого общества и географической среды в различные эпохи. При этом географы делают упор на изучение конкретной физической и социально-экономической географии в различные периоды, а историки изучают географические аспекты исторического процесса во всех его проявлениях, почти не затрагивая историю природы. Картографирование исторического процесса является и в том и в другом случае важнейшим средством познания, имеющим свою специфику и требующим специальной подготовки. Один лист квалифицированно составленной карты позволяет увидеть то, что невозможно понять и наглядно представить себе после прочтения десятков страниц текстовой информации. В идеале такая карта должна не просто служить иллюстрацией, а выявлять новые закономерности, показывать направление дальнейшего научного поиска.

К сожалению, абсолютное большинство исторических карт, представляющих Россию, Украину и сопредельные страны, не отражает реальной роли казачества в их истории: чаще всего присутствует лишь фрагментарная информация. Ещё хуже, когда эта информация

заведомо ложная. Так, В. В. Куцеев в книге «Этническая история казачков» использовал традиционные учебные исторические карты, на которых разместил бродников, запорожских и даже «московских» казачков в понравившихся ему лично местах¹. В новейшем учебном пособии К. Г. Малыгина по истории Дона² приводится «Карта казачьих земель», которая на самом деле таковой не является. Это карта «Казачкии» (почему-то автор воспроизвёл её на итальянском языке, хотя известны и русскоязычные версии), существовавшая лишь в воображении группы казачков-эмигрантов. Никакого отношения к реальной исторической географии казачьих земель данная карта не имеет.

Наиболее запутанный вопрос – происхождение казачества. Все попытки выйти за пределы легенд и казачьей мифологии в поисках достоверной информации о казачестве до XV в. не приводят к положительному результату. Киевский историк В. А. Брехуненко с полным основанием пишет о необходимости окончательно отбросить так называемую «бродницкую теорию» происхождения казачества, так как «генетической связи между последним сообществом и тем немногочисленным славянским или ославянившимся элементом, который встречается на Дону в княжеские времена, быть не могло»³. А. Б. Головки, употребляя термин «бродники-казачки», всё же признаёт, что «между бродниками XI–XII вв. и казачеством XV–XVI вв. были существенные отличия»⁴. Вплоть до XV в. общая тенденция вела к расширению почти обезлюдившей полосы между Доном и заселёнными приграничными районами. Исследования черниговского историка С. А. Лепьявко⁵ убедительно доказали, что украинское казачество до конца XVI в. было аморфным пограничным военно-промысловым формированием. Несомненно, что казачество было полиэтничным, при явном преобладании славянского элемента.

Изучение ландшафтных условий, в которых формировалось раннее казачество, в значительной степени позволяет понять его образ жизни, быт, боевые навыки и традиции. Однако было бы ошибкой автоматически переносить объекты, упоминаемые в источниках, на современную ландшафтную среду. Работы С. В. Кирикова об изменении природы Европейской части СССР в связи с историей и бытом населявших её народов с конца X до середины XIX в.⁶ дают богатый материал по данному вопросу, но требуют продолжения. Для изучения формирования хозяйственных ареалов как сферы взаимодействия человека и природы, а также систем расселения и планировочной структуры населённых пунктов нужны совокупные усилия историков, гео-

графов, биологов, почвоведов, археологов и др. Примеры подобных комплексных исследований в нашей стране единичны.

В последние годы археологи Украины внесли значительный вклад в изучение истории казачества. Раскопки на месте битвы при Берестечко (1651 г.) позволили И. К. Свешникову получить много новой информации о казачьем вооружении, обуви и одежде, а также уточнить некоторые существенные детали топографии и хода сражения⁷. Экспедиция под руководством киевского археолога Д. Я. Телегина установила точное местонахождение лагеря войска С. Наливайко 1596 г. у р. Солонища. Проводились раскопки на острове Хортица, на местах Каменской и Алешковской Сечей. В Киеве в 1997 г. даже было издано учебное пособие по археологии эпохи украинского казачества XVI–XVIII вв.⁸ Российские учёные в этом отношении явно отстают.

Известно, что при заселении казачьими станицами территории Кубани военное начальство диктовало неперемные условия планировочной структуры исходя из задач обороны и несения службы. Поэтому станицы неоднократно переносили на новые места, обносили рвом и валом с плетнём, в самой станице регламентировалась планировка улиц, площадь садов в усадьбе казака не должна была превышать определённые размеры. Особый интерес представляет топография Запорожской Сечи – уникального населённого пункта и крепости, где длительное время проживали лишь казаки, не имевшие семей, и где появление женщин не допускалось, чтобы не создавать себе обузу в условиях постоянной военной опасности. Первым историко-топографические исследования Сечей провёл Д. И. Эварницкий (Яворницкий) ещё в конце XIX в. Семейные казаки-запорожцы, имевшие хозяйство, предпочитали жить в зимовниках (хуторах), сущность которых наиболее детально изучил А. Л. Олейник (в том числе с точки зрения исторической географии и топографии)⁹.

Привычные условия хозяйства переносились на новые места расселения. Так, нижнюю часть Прикубанья и степное пространство до р. Ея с 1792–1794 гг. заселили черноморские казаки, перенёвшие сюда традиции Запорожья: несмотря на постоянную борьбу с хуторами и категорические предписания войскового начальства жить в своих куренных селениях, черноморцы создавали тысячи хуторов-зимовников, хотя это было крайне опасно в связи с хищническими набегами горцев. Напротив, казаки-линейцы, заселившие среднюю и верхнюю Кубань узкой полосой, жили крупными станицами, где легче было обороняться. Здесь основу составили донские казаки и русские

однодворцы, привыкшие к военному быту и дисциплине. На р. Яик (Урал) длительное время казаки жили только в укреплённом Яицком городке (что также диктовалось соображениями обороны) и лишь впоследствии стали появляться другие населённые пункты. На огромных пространствах Сибири, где проживали лишь служилые, а не вольные казаки, все их переселения регламентировались начальством. Если во время присоединения Сибири казаки двигались авангарде, открывали новые земли, составляли первые карты, создавали остроги и зимовья как центры управления и обороны, то в последующем казачье население жило особыми слободами в городах, а также в разбросанных селениях. С начала XIX в. большинство казаков Сибири было переселено на укреплённые линии для защиты границ, а в настоящее время их потомки разорваны государственной границей между Россией и Казахстаном, что было следствием сознательной политики советского руководства¹⁰.

В Западной Европе небольшие государственные территории и высокая плотность населения не позволяли угнетаемым людям бежать в незаселённые труднодоступные районы, что заставляло бороться за свои права, причём наиболее энергичная часть населения концентрировалась в городах и добивалась там признания вольностей. Бескрайние просторы России и слабая заселённость территории приводили к уходу на окраины наиболее энергичной части населения, стремившейся к вольной жизни. Это облегчало государству и феодалам усиление эксплуатации в центре страны, а затем шло наступление на окраины. Именно поэтому крупнейшие народные восстания, ядром которых было казачество, начиналось на окраинах России. Аналогично все крупнейшие украинские восстания от К. Косинского до Б. Хмельницкого начинались в казачьей среде на далёкой окраине Речи Посполитой, а в случае поражения повстанцы уходили в Запорожскую Сечь.

Наступая на окраины, российские и польские власти стремились не только ликвидировать казачьи вольности, но и ассимилировать казачество, привлечь его на государственную службу. Аналогично происходили процессы в тех странах, где имелись некие аналоги казачества (граничары, секеи и др.)¹¹. Казачьи области, прижатые к границам, вытягивались в ленту от Чёрного моря до Тихого океана, что создавало защитный пояс для государства, но также облегчало политический контроль над казачеством. Аналогичная картина наблюдалась и в Австрийской империи, где подобной лентой вытягивались земли граничаров.

Изучая самые различные стороны исторического процесса, исследователь сталкивается с необходимостью локализации используемых данных на карте, выяснения административной принадлежности изучаемой территории, уточнения границ, сопоставимости сравниваемых площадей. Без привлечения картографических материалов такая работа бессмысленна, причём использование старых карт требует обязательного переноса информации на современную картографическую основу¹². Составление исторических карт, безусловно, является сложнейшей исследовательской процедурой, ибо требует колоссальной эрудиции и специальных навыков. Несомненно также, что историческая карта, отображающая концепция автора-составителя, по-своему интерпретирующего исторический процесс, отражает и уровень историографии своего времени (то есть, времени создания карты). Заимствуя результаты исследований многих авторов, привлекая дополнительные источники, создатель исторической карты, конечно, не гарантирован от ошибок и пробелов. Так, при всех несомненных заслугах Ю. И. Лозы в украинской исторической картографии, в школьном историческом атласе Украины он допустил ряд существенных ошибок на трёх картах, показывающих Черноморское казачье войско¹³.

Крайне неточно им показан морской переход казаков-переселенцев в 1792 г. (флотилия двигалась вдоль берега). На трёх картах центр Черноморского казачьего войска подписан как «Екатеринодар (Карасунский Кут)», как будто город имел 2 названия (с.19, 25). На самом деле Карасунский Кут – всего лишь место, где был основан город. На карте «Земли Черноморского казачьего войска (1792–1860 гг.)» показаны куренные селения по состоянию на 1842 г., но не упомянуто, что с этого года они назывались станицами. При этом селение Незамаевское превратилось в Незамайковское (эта ошибка встречается в трёх картах), а 10 куренных селений (Величковское, Деревянковское, Джерелиевское, Корсунское, Леушковское, Менское, Мышастовское, Нижестеблиевское, Титаровское и Щербиновское) с 1809–1823 гг. получили приставку «Старо-», чего не учёл автор карты. Станица Петровская стала центром Таманского округа не «после 1841 г.», а в 1843 г. Границы округов также не соответствуют действительности: во-первых, деление на три округа (вместо четырёх) было установлено в 1842 г., во-вторых, столь точные границы как на карте Ю.И. Лозы, могли появиться лишь после размежевания земель в Черномории, то есть не ранее 1870 г. Кстати, в подобном атласе Института передовых технологий для 9 класса¹⁴ (с.7) административно-территориальное

деление Черномории выглядит гораздо более странно: неверно даны и внешние и внутренние границы, Ейский и Таманский округа показаны как смежные, чего в действительности не было, центрами округов почему-то оказались Темрюк и Ейск (вместо Петровской и Уманской). Словно продолжая запутывать читателя, в том же атласе ИПТ Азовское казачье войско разместили не в Екатеринославской губернии, а в Таврической (с.3)! Такие фантазии в атласе неуместны. В атласе Ю.И. Лозы для 8 класса территория Азовского казачьего войска показана правильно (с.18).

Восточнее Черноморского казачьего войска было бы целесообразно показать 5 станиц, основанных в 1802 и 1804 гг. на р. Кубани бывшими казаками упразднённого Екатеринославского казачьего войска (Воронежская, Ладожская, Тифлисская, Казанская, Темижбекская). Эти земли представлены Ю. И. Лозой на карте «Украинские земли в 1-й пол. XIX в.» в атласе для 9 класса¹⁵ как «украинская сплошная этническая территория» (с.3), по-видимому, вследствие того, что упомянутые станицы были основаны выходцами из Украины. На самом деле эти казаки были из русских однодворцев – особой категории служилых людей. Интересно, что на последующих картах Ю. И. Лоза уже исключил данную территорию из населённых украинцами земель. Без всяких оснований на этой и последующих картах граница между Черноморией и Таврической губернией показана между косой Тузла и Таманским полуостровом. Это соответствует современной границе России с Украиной, но в то время коса была продолжением полуострова и полностью принадлежала Черноморскому, а затем Кубанскому казачьему войску¹⁶.

Изучение административно-территориального деления казачьих регионов представляет особую сложность, что хорошо видно на примере Северного Кавказа. Массовое переселение казаков на Северный Кавказ в конце XVIII в. и появление здесь Черноморского казачьего войска, Хопёрского, Волжского, Кубанского и Кавказского линейных полков неизбежно повлекло за собой бесконечные административно-территориальные преобразования. Однако до сих пор они рассматривались исследователями лишь в самых общих чертах. Если по территории современного Краснодарского края имеется справочник, опубликованный кубанскими архивистами в 1986 г.¹⁷, то в ставропольских изданиях приводятся лишь предельно краткие сведения. В двух изданиях «Очерков истории Ставропольского края»¹⁸ даже не упоминается, что в 1797–1802 гг. территория Ставрополя входила в Астра-

ханскую, а не в Кавказскую губернию. Для исследователя же такое указание было бы ориентиром в поиске архивных документов за соответствующий период.

Ни в «Очерках», ни в книге «Край наш Ставрополье» (2-е издание «Очерков») невозможно получить вразумительный ответ на вопросы: были ли округа введены в Кавказской области в 1822 г. или в 1827 г.; был ли Александровск центром уезда (или округа) до 1822 г. или до 1830 г., когда он стал заштатным городом; когда в Кавказской области количество округов сократилось с четырёх до трёх, где находился центр управления Главного приставства магометанских кочующих народов; когда станица Сабля стала селом, а Грушёвская – станицей и т.д. Впрочем, существенные пробелы и ошибки содержатся и в специальном справочнике «Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.)». Напрасно здесь будет искать читатель даты образования и центры управления Нижне-Прикубанского, Тахтамышевского и прочих приставств. Ошибочно утверждается, что в 1880 г. из Кавказского уезда в Закубанский были переданы станицы Некрасовская, Новолабинская, Тенгинская и посёлок Геймановский (на самом деле – в Екатеринодарский уезд). Далеко не всегда говорится о переименованиях населённых пунктов или переносе их на другое место. Ничего не говорится об административно-территориальном делении церковного, судебного, акцизного и прочих ведомств.

Существующая научная и справочная литература не даёт ясно представления о совпадении или несовпадении гражданского и военно-казачьего административного деления в определённые периоды. Известно, что часть территории Ставропольской губернии принадлежала Кавказскому линейному казачьему войску. Однако расширение территории этого войска за счёт «Новой линии» в Закубанье не привело автоматически к увеличению площади Ставропольской губернии (до 1847 г. – Кавказской области). Образованные в 1860 г. Кубанская область и Кубанское казачье войско также территориально не совпадали. Лишь после передачи по указу 30 декабря 1869 г. 12 станиц, находившихся за пределами области, в гражданское ведомство Ставропольской губернии, войсковая казачья территория стала находиться полностью в пределах Кубанской области.

Как правило, исследователи не обращают внимания на то, что при образовании 5 уездов Кубанской области (указ от 30 декабря 1869 г.) границы бывших трёх округов Черномории совершенно не совпадали

с границами уездов. Нигде не говорится и о том, что приказом военного министра №161 в 1878 г. количество военных отделов Кубанского казачьего войска было сокращено до трёх (Екатеринодарский, Майкопский и Уманский), после чего было невозможно какое-либо совпадение территорий и отделов. Эти факты не отражены и в обобщающих «Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г.»¹⁹.

Вопреки существующим представлениям о стабильности административно-территориального деления Кубанской области после реформы 1888 г., изменения границ отделов и прочих административных единиц продолжались. Более того, возрастал разрыв между территориальными структурами управления различных ведомств, что создавало определённые трудности, как для населения, так и для администрации. Подобная картина наблюдалась также в Терской области, Ставропольской и Черноморской губерниях.

Приводимые в научной литературе статистические данные по округам, уездам и отделам Северного Кавказа будут некорректны без предварительного выяснения вопроса о сравнимости площади и границ одной и той же административной единицы за разные годы. Существенную помощь в этом мог бы оказать региональный справочник по административно-территориальному делению, но его создание требует коллективной работы группы специалистов из разных городов и учреждений. Пока лишь созданы подробные карты изменений административно-территориального деления Кубани за 1794–1860 и 1870–1917 гг.²⁰, не имеющие аналогов, но эта работа требует продолжения и многочисленных дополнений.

Накопленный к настоящему времени материал позволяет перейти к многоплановому историко-географическому анализу казачества, что непременно предполагает картографирование. Так, по каждому казачьему войску необходимо создать карты, показывающие изменения внешних и внутренних административных границ, центры управления и комплектования полков и сотен, развитие экономики в казачьих областях, размещение казачьих учебных заведений, монастыри и церкви, места сражений, различные сохранившиеся и исчезнувшие памятники истории и культуры, географию населённых пунктов (со всеми переименованиями), расселение и деятельность казачества в эмиграции и т.д.

Полученные результаты имеют не только научно-справочное значение, но важны также для преодоления распространённых заблуждений, для восстановления исторической правды, для обучения и

воспитания казачьей молодёжи, которая должна знать историю казачества. Лишь недавно во 2-м томе «Очерков традиционной культуры казачеств России» были опубликованы 4 научно-справочные карты А. М. Авраменко, позволяющие получить суммарное представление о территориях казачьих войск и сообществ XV – начала XX в. от Украины до Тихого океана²¹. Одна из этих карт («Украинское казачество в XV–XIX вв.») на украинском языке была переиздана недавно в коллективном труде «История украинского казачества»²². Но для полноты картины давно назрела необходимость в создании «Атласа истории казачества»²³, на что уважаемые атаманы не находят возможности выделить деньги. Для будущего атласа недавно была опубликована небольшая серия карт: «Сибирские экспедиции и посольства казаков в конце XVI – начале XVII в.», «Якутский пеший городской казачий полк в XIX — начале XX в.», «Катеринославське козацьке військо (1787–1796 рр.)», «Усть-Дунайське Буджацьке козацьке військо», «Новороссийское казачье войско (до 11.VII.1856 г. – Дунайское)», «Бузьке козацьке військо», «Азовське козацьке військо», «Размещение частей Кубанского казачьего войска в начале 1914 г.»²⁴. В настоящее время завершается работа над книгой «Историко-географические очерки казачьих регионов России и Украины».

В целом, изучение казачества (в том числе историко-географическое) развивается более успешно в Украине, так как здесь эта тематика считается приоритетной и поддерживается на официальном уровне. Достаточно сказать, что в 1998 г. был создан Научно-исследовательский институт казачества, в составе двух рабочих групп в Киеве и Запорожье, а вскоре появились отделения института в других городах. Неудивительно, что вышло уже два издания солидной однотомной энциклопедии «Украинское казачество»²⁵. Ничего подобного нет в России. Научно-исследовательские институты казачества в Новочеркасске и Оренбурге держатся лишь на энтузиазме их учредителей, а изданная в 2003 году в Москве энциклопедия «Казачество»²⁶ не выдерживает никакого сравнения и нуждается в радикальной переработке. Федеральные власти России относятся к казачеству без особого энтузиазма, в Москве казачья тематика почти не находит поддержки, отсутствует координация исследований. Российские учёные, занимающиеся казачьей проблематикой, должны тесно сотрудничать с украинскими коллегами, но это наблюдается редко. Целесообразно создать российско-украинский координационный центр исследований по казачьей тематике, проводить совместные научные конференции,

разработать согласованные международные исследовательские программы. Важное место в этих программах должна занимать историко-географическая проблематика.

¹ Куцеев В.В. Этническая история казаков. – Краснодар, 1995. – С.69, 112.

² Малыхин К.Г. История Донского края: Учебное пособие. – М.; Ростов н/Д, 2006. – С.64.

³ Брехуненко В.А. Роль українського козацтва у генезі донської козаччини та геополітичні інтереси України // Запорозьке козацтво в українській історії, культурі та національній самосвідомості. – Київ – Запоріжжя, 1997. – С.164.

⁴ Головкин О.Б. Проблема дослідження історичних попередників українського козацтва // Історія українського козацтва: Нариси. Т.1. – К., 2006. С.36.

⁵ Леп'явко С.А. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. – Чернігів, 1996; Леп'явко С.А. Українське козацтво в міжнародних відносинах (1561–1591). – Чернігів, 1999; Леп'явко С. Великий кордон Європи як фактор становлення українського козацтва (XVI ст.). Запоріжжя, 2001.

⁶ Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР. Ч.1. Степная зона и лесостепь. М., 1959; Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966; Кириков С.В. Человек и природа степного Причерноморья с геродотовского времени до начала XIX в. // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981; Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X – середина XIX в. (Европейская часть СССР). – М., 1983.

⁷ Свешніков І.К. Битва під Берестечком. Лівів, 1993; См. также: Авраменко А.М. Битва при Берестечко (1651 г.): проблеми картографирования // Поляки в России: XVII–XX вв.: Материалы международной научной конференции. Краснодар, 10–11 июля 2002 г. – Краснодар, 2003. – С.18–32, 2 цветных плана сражения.

⁸ Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст.: Навч. посібник. – К., 1997; См. также: Телегін Д.Я. Часи козацькі. Січі запорозькі. За письмовими та археологічними джерелами. Київ, 1997; Винокур І.С., Телегін Д.Я. Археологія України: Підручник для студентів історичних спеціальностей вищих навчальних закладів. – Видання 2-ге, доп. і перероб. – Тернопіль, 2005. Розділ XIII: Пам'ятки козацьких часів.

⁹ Олійник О.Л. Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734–1775). – Запоріжжя, 2005; См. также рецензию: Авраменко А.М. Исследование о запорожском зимовнике // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2006. – №3. – С.76–79.

10 Подробнее см.: Авраменко А.М. Территории // Очерки традиционной культуры казачеств России. – Т.1. – М.; Краснодар, 2002. – С.188–213; Авраменко А.М. Земли казачьих войск и сообществ на территории Украины // Донецкий вісник Наукового товариства ім. Шевченка. – Т.5. – Донецьк, 2004. – С.474–488; Авраменко А.М. Территории казачьих войск [Карты]: 1. Украинское казачество в XV–XIX вв.; 2. Казаки Дона, Северного Кавказа и Поволжья в XVI – начале XX в.; 3. Казаки Приуралья, Западной Сибири, Степного края и Семиречья и в конце XVI – начале XX в.; 4. Казаки Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. // Очерки традиционной культуры казачеств России. – Т.П. – М.; Краснодар, 2005.

11 Леп'явко С.А. Угорські аналоги українського козацтва // Запорозьке козацтво в українській історії, культурі та національній самосвідомості. – Київ – Запоріжжя, 1997. – С.182–189; Леп'явко С.А. Аналоги українського козацтва у західному світі // Історія українського козацтва: Нариси. Т.1. – К., 2006. С.102–115.

12 Галкович Б. Г. Методика изучения картографических источников XVIII в. // Историко-географический сборник. Вып. 1. – Краснодар, 2007. – С.36–66.

13 Україна. Історичний атлас. 8 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Юрій Лоза. Київ: Мапа, 1998. С.18–19, 25.

14 Атлас з історії України. 9 клас. / Упорядники: О.В. Гісем, Д.В. Ісаєв, О.О. Мартинюк. Київ: Інститут передових технологій, 2000.

15 Україна. Історичний атлас. 9 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Юрій Лоза. Київ: Мапа, 1999.

16 Подробнее см.: Авраменко А.М. Історія Кубані в сучасних українських атласах // Донецкий вісник Наукового товариства ім. Шевченка. – Т.8. – Донецьк, 2005. – С.90–100.

17 Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986.

18 Очерки истории Ставропольского края. Т.1. С древнейших времён до 1917 г. – Ставрополь, 1986; Край наш Ставрополье: Очерки истории. Ставрополь, 1999; См. также рецензию: Авраменко А.М., Матвеев О.В. Итоговая книга об истории Ставропольского края: достижения и упущенные возможности // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. – 2003. – №1/2. – С.76–86.

19 Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996.

20 Авраменко А.М. Административно-территориальное деление и полиция Прикубанских земель в 1794–1860 гг.; Административно-полицейское деление Кубанской области и Черноморского округа в 1870–1888 гг.;

Административно-полицейское деление Кубанской области и Черноморской губернии в 1888–1917 гг. // Очерки истории органов внутренних дел Кубани. 1793–1917. Краснодар, 2002. (Цветные карты-вклейки в конце книги).

²¹ Авраменко А.М. Территории казачьих войск [Карты.]: 1.Украинское казачество в XV–XIX вв.; 2.Казачи Дона, Северного Кавказа и Поволжья в XVI – начале XX в.; 3.Казачи Приуралья, Западной Сибири, Степного края и Семиречья и в конце XVI – начале XX в.; 4.Казачи Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. // Очерки традиционной культуры казачеств России. – Т.II. – М.; Краснодар, 2005.

²² Історія українського козацтва: Нариси. Т.1. – К., 2006.

²³ Авраменко А.М. Атлас истории казачества: идея, концепция и структура // Казачество России: история и современность. Тезисы Международной научной конференции г. Геленджик (8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002. С.4–7.

²⁴ Авраменко А.М. Новые карты для Атласа по истории казачества // Историко-географический сборник. – Вып. 1. – Краснодар, 2007. – С.145–152. Некоторые из этих карт в несколько искажённом виде были изданы ранее в книге «Українське козацтво: Мала енциклопедія» (Вид. 2-е, доп. і перероб. – К.; Запоріжжя, 2006. С.60 (Бузьке козацьке військо), с.170 (Дунайське (Новоросійське) козацьке військо), с.324 (Чорноморське козацьке військо на Кубані у 1802–1842 рр.), с.325 (Кубанське козацьке військо. 1860–1917 рр.), с.595 (Усть-Дунайське Буджацьке козацьке військо).

²⁵ Українське козацтво: Мала енциклопедія. – К.; Запоріжжя, 2002; Українське козацтво: Мала енциклопедія. – Вид. 2-е, доп. і перероб. – К.; Запоріжжя, 2006; См. также рецензии: Авраменко А.М. Первая энциклопедия украинского казачества // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX століття. Вип.7. Запоріжжя, 2003. С.323–330; Фролов Б.Е., Чумаченко В.К. Разговор по существу // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2003. №4 (6). С.65–71.

²⁶ Казачество: Энциклопедия. / Гл. ред. А.П. Федотов. М., 2003; См. также рецензию: Чумаченко В.К. Казачья энциклопедия: попытка №3 // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2004. №4. С.79–86.